

единого этноса кочевого скотоводческого и оседлого земледельческого типов хозяйства как раз и обуславливает в известной степени сохранение данной этнической общности как таковой.

Конечно, когда имеешь дело с многоплановой работой, где затронуто множество достаточно сложных проблем, почти неизбежно возникают пожелания о более подробном и глубоком рассмотрении тех или иных сюжетов. Не составляет исключения в этом отношении и книга А. М. Хазанова. Мне, в частности, представляется, что очень интересную и далеко еще не решенную в общетеоретическом смысле проблему обратимости социальных процессов в кочевых обществах стоило бы исследовать более детально. С этой обратимостью связан, например, вопрос о месте ремесленного производства в кочевых обществах. Автор лишь однажды и очень кратко говорит о длительности и прерывистости процесса выделения ремесла у кочевников (стр. 201). Само по себе это справедливо, но, на мой взгляд, заслуживал бы внимательного рассмотрения и несколько иной аспект этой проблемы: не исключено, что как раз невозможность отделения ремесла от сельского хозяйства, как это происходило в оседлых земледельческих обществах, была одной из главных черт, определявших специфику кочевого хозяйства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Нуждается в обсуждении и такой вопрос, как содержание понятия «раннеклассовое общество». В самом деле, такое определение сейчас используется в нашей литературе довольно широко, но единого мнения о том, что конкретно имеется в виду, пока не существует. Практически это понятие как бы молчаливо принимается как нечто изначально данное, хотя объем его в сущности не определен. А. М. Хазанов предлагает собственное его толкование (с. 31); оно приемлемо как рабочая гипотеза и могло бы послужить базой для дискуссии, но проблема в целом явно требует специального рассмотрения (впрочем, эта претензия, пожалуй, относится не только к автору рецензируемой работы).

Далее, не мешало бы, по-видимому, оговорить возможность неоднозначного истолкования данных источников в некоторых случаях. Скажем, не вполне ясно, в какой мере сведения о положении священнослужителей, связанных с мировыми религиями, у кочевников средневековья и нового времени позволяют судить о собственном социально-экономическом развитии данных кочевых обществ, о степени продвинутости классов и политогенеза (с. 178, 179).

Это же можно сказать и об истолковании некоторых иконографических материалов, служащих автору иногда для обоснования весьма серьезных и ответственных выводов по поводу историко-культурных различий между кочевниками разных эпох. Следует сказать, что А. М. Хазанов, справедливо делая акцент на сходстве социальных аспектов их истории, мог бы (и, вероятно, должен был бы) более внимательно рассмотреть и историко-культурные расхождения. Вопросы эти, правда, затронуты в книге (с. 268—271), но как-то очень уж бегло.

В целом, однако, недостатки книги несомненно сгладит ее достоинствами; и указание на них в рецензии направлено прежде всего на то, чтобы способствовать дальнейшему обсуждению недостаточно освещенных в ней вопросов. Труд А. М. Хазанова «Социальная история скифов» — серьезное и интересное исследование, которое, безусловно, заслуживает благожелательного внимания этнографов и историков у нас в стране и за рубежом.

Л. Е. Куббель

НАРОДЫ СССР

Кавказский этнографический сборник, VI, М., 1976, 303 с.

Выход в свет каждого «Кавказского этнографического сборника», подготовленного Институтом этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая — событие в кавказоведении. Не составляет исключения и очередной VI выпуск (ответственный редактор В. К. Гарданов).

Рецензируемый сборник осветил весьма разнообразную проблематику, относящуюся ко многим народам Северного Кавказа и Закавказья. Вопросы исторической этнографии, восходящие к началу эпохи позднего средневековья, различные стороны народного быта и культуры XIV—XIX веков, современные этнические процессы, — вот диапазон научных поисков коллектива авторов. Богаты и оригинальны источники, на которые опирается большинство опубликованных работ, где органически переплетается изучение полевых материалов и анализ трудов предшественников. Исследование национальной специфики, существенно обогащая этнографическое познание конкретных народов Кавказа, не является самоцелью для авторов. Красной нитью прослеживается чрезвычайно важный аспект историко-культурной общности кавказских народов, их взаимопроductивных контактов друг с другом, с соседями, с Россией и русским народом.

Сборник открывается статьей Л. И. Лаврова «К 250-летию академического кавказоведения в России». Это весьма содержательный и в основном полный обзор разви-

тия кавказоведения, где автор рассказывает о первоначальном стихийном накоплении историко-этнографической информации о Кавказе, затем об активной экспедиционной работе XVIII—XIX веков и, наконец, о нынешнем всестороннем и глубоком изучении этого сложного и многонационального региона. К числу упущений автора можно отнести отсутствие упоминаний об усилиях российских «рудознатцев» на Кавказе в XVII—начале XVIII века, о многосторонней деятельности А. Б. Черкасского — первого представителя северокавказских народов, включившегося в изучение Кавказа не только с политическими, но и с научными целями накануне учреждения Академии наук¹. Следовало бы уделить больше внимания и роли, которую сыграли учреждения Академии наук СССР и союзных республик в подготовке национальных кадров ученых различных профилей для научно-исследовательских институтов и вузов Северного Кавказа.

Монографическое исследование современной сельской семьи у армян Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР составляет содержание работы А. Е. Тер-Саркисянц. Большой историко-этнографический, полевой и статистический материалы, широта аспектов изучения поднятой темы обеспечивают успех исследования. Но примерно с середины текста в расчеты таблиц стабильно вошли данные по «городским поселениям», существенно корректирующие некоторые выводы автора и затрудняющие оценку объявленного предмета исследования (современной сельской семьи). Так например, итоговое заключение о «стирании социальных и национальных ограничений при вступлении в брак» вступает в противоречие с фактическим состоянием дел, отраженным статистически на стр. 34—35, где отмечается, в частности, что «доля межнациональных браков невелика. Большая часть их относится к городскому населению». Отсутствие же цифровых данных по дореволюционному периоду обедняет научные возможности этих и ряда иных важных демографических наблюдений автора.

Интересна статья Я. С. Смирновой «Детский и свадебный циклы обычаев у народов Северного Кавказа». Она насыщена большим фактическим материалом, хорошо иллюстрирована, содержит верный анализ характера и эволюции изучаемых явлений за годы Советской власти, завершается теоретическим экскурсом в область формирования новых советских семейных традиций. Некоторый урон полноте картины наносит предпочтительное внимание автора к народам западной части Северного Кавказа. Едва ли правомерна и слишком уж мимолетная («изредка», «сейчас кое-где существует еще», «все реже и реже» и т. п.) констатация живучести многих исторически изживших себя институтов (калым, умыкание, принудительная последовательность брака сестер и братьев, несоблюдение советских норм оформления супружества, многоженство и пр.). Закономерно оттеняя результаты прогрессивных преобразований семейного быта горцев, не следует, однако, преуменьшать и факты негативного свойства, без учета и оценки которых этнографическая панорама теряет в своей исчерпаемости и перспективе. Тем не менее, статья Я. С. Смирновой — одна из лучших в сборнике.

Много любопытных подробностей в небольшом исследовании Н. С. Гогоберидзе о народных детских играх в горных областях Грузии. Было бы хорошо, однако, если бы автор привлек материалы по северокавказским горцам, а также результаты археологических раскопок по обоим склонам Центрального Кавказа; в этих средневековых памятниках легко обнаружатся материальные следы многих игр, рассмотренных им².

Большую и полезную работу по изучению народных верований армян на материалах рукописных талисманов XV—XIX веков проделал А. А. Одабашян, изложив в своей статье ее итоги. Он произвел детальную классификацию заговоров по их функциям, охарактеризовал типы магии по письменным талисманам. Автор бесспорно прав, отстаивая научную актуальность изучения рукописных заговорных текстов для воссоздания армянского языческого пантеона.

Однако не все разделы статьи равноценны. Так, важный параграф о «социальной магии» строится фактически на выдержках из одного (№ 34) талисмана (5 цитат из 8). Из его текста, освещающего ситуацию не ранее XIX века (что не оговорено автором) совершенно непонятно, о каком «арабском завоевании», отразившемся в заговорах о национальной дискриминации, идет речь. Упоминание в одном ряду этого «антисудебного заговора» кроме армян, турок еще и «русских господ», трактуемых автором как представителей «правящих кругов поработителей» (с. 114) заставляет усомниться в точности пространных социальных комментариев к этому документу. А последующий фрагмент все того же талисмана № 34 свидетельствует о принадлежности его владельца к состоятельным гражданам, испытывавшим, очевидно, не столько социальный и национальный гнет, сколько конкуренцию со стороны себе подобных инонациональных и «своих» хозяев, что и понуждало его искать защиты от сужихничества. Да и сама «хозяйственная часть» заговора, как оказывается при сравнении с текстами «вредоносной магии» (с. 120), выражает, скорее всего, не «стремление обезопаситься от природных, стихийных бедствий или хотя бы по возможности уменьшить причиненный ими ущерб», а страх перед кознями («злой глаз», «злой язык», «злой замысел» и пр.) со стороны тех же самых соперников.

¹ В. Б. Вилинбахов. Александр Черкасский — сподвижник Петра I. Нальчик, 1966.

² См., например: Л. П. Семенов. Археологические и этнографические изыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963; В. Х. Тменов. Город мертвых. Орджоникидзе, 1973.

Есть в статье и другие просчеты (непоследовательность оценки культа змеи на стр. 127 и 130; излишне уверенное утверждение, что изучение рукописных талисманов «позволяет воссоздать... полную картину существовавших вокруг главных богов иерархических помощников» и пр.), но в целом, как сказано выше, — эта статья — полезный труд.

В. Н. Басилов и В. П. Кобычев выступают в сборнике со статьей «Николай кууд (осетинское празднество в честь патрона селения)». Работа четко распадается на две части. В первой — неторопливое, детализированное и исчерпывающее (при нынешнем уровне сохранности информации) описание всего культа и ритуала древнего дигорского праздника в окрестностях селения Лесгор. Вторая часть — анализ лесгорского праздника, как главного — языческого по своей природе — действия, в котором проявилось почитание исконного святого-покровителя села (вероятно, связанного с охотничьим культом), вытесненного впоследствии христианским святым Николаем. Эта статья — удачный образец исследования локального культового акта и определения его места в системе идеологических представлений осетин. Необходимость таких работ тем очевиднее, чем более отдаем мы себе отчет в неотвратимой гибели соответствующей информации.

Малоизученному вопросу в этнографии Кавказа — одежде народов Дагестана и Чечни — посвящена статья Г. А. Сергеевой, построенная на материалах Государственного исторического музея. Она начинается интересным обзором работ художников XIX века, с изображением одежды народов изучаемых областей (преимущественно — дагестанцев и лишь изредка — чеченцев). Далее идет подробный анализ комплектов или отдельных частей парадной, повседневной и зимней одежды аварцев, даргинцев, кумыков, чеченцев конца XIX — начала XX и 30-х годов XX века. Автор чрезвычайно точен в своих описаниях. Тщательно установлены разноязыкая терминология одежды, материалы и способы ее изготовления. Намечены локальные особенности в женском костюме (наплечная одежда, головные уборы) и констатирован «общекавказский тип (северокавказский вариант)» мужской одежды. Фактографическая статья Г. А. Сергеевой ценна для дальнейших усилий по изучению традиционной горской одежды у народов Северного Кавказа.

Положительной оценки заслуживает и статья Н. Х. Авакян «Об ареалах народного костюма армян (XIX — начало XX в.)». Прекрасно иллюстрированная, она дает яркое представление об особенностях традиционной одежды различных групп населения Западной Армении, о заимствовании нового типа мужского костюма («кавказского») и постепенном процессе вытеснения традиционной одежды костюмом городского типа.

Содержательна статья Е. Н. Студенцкой об узорных войлоках жарачаевцев и балкарцев. В ней собран и систематизирован огромный материал, доказывающий высокий уровень соответствующего производства у этих народов. Различные способы приготовления войлоков и особенно разные способы орнаментации исследованы автором в плане установления тех древних корней, которые питают современные навыки балкарцев и карачаевцев. Итоговый вывод вполне основателен: в узорных войлоках горцев Приэльбрусья прослеживаются традиции кочевых тюркоязычных народов, генетически связанных с половцами (кипчаками) и, вместе с тем, исконно местные кавказские мотивы и приемы, зародившиеся еще в эпоху бронзы и особенно — в пору господства знаменитой кобанской культуры. Выявлен и еще один интересный пласт в местном производстве узорных войлоков, свидетельствующий о культурных контактах с кумыками и аварцами Дагестана. В этой связи хотелось бы видеть и сведения о подобных изделиях у ногайцев — тюркоязычного этноса, исторически тесно связанного с населением Приэльбрусья.

В статье В. И. Марковина предпринята попытка охарактеризовать особенности осетинской башенной культуры. К таковым автор относит своеобразные черты некоторых машикулей, скудость декора, малочисленность типов проемных перекрытий. В некоторых признаках отмечается близкое сходство с аналогичными признаками у вайнахских, балкарских и прочих башен. И это — верно, так как отражает общекавказское единство принципов архитектуры.

Статья В. И. Марковина выдержана в историографо-критическом ключе. Но интересная по замыслу историографическая справка не только «очень сжата», но и заметно неточна. Нельзя было начинать с В. Ф. Миллера, игнорируя исследователей конца XVIII — середины XIX в., уделявших внимание осетинской архитектуре (П. С. Паллас, И. Рейнхартс, И. Клапрот и др.). Не следует столь пренебрежительно отзываться о трудах В. Б. Пфаффа, важных для своего времени³. Л. П. Семенов занимался осетинской архитектурой преимущественно в 20—30-х годах, а не в «послевоенный период». Е. И. Крупнов, О. В. Милорадович, В. Б. Ковалевская специально не занимались «изучением осетинской архитектуры», а исследовали памятники раннесредневековых алан, что далеко не одно и то же. В статье нет даже упоминания о весьма значительных результатах этнографических экспедиций под руководством А. И. Робакидзе в Осетин

³ Ср., например: А. Х. Магомедов. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1974, с. 15, сл.; А. И. Робакидзе, Г. Г. Гегечкори. Формы жилища и структура поселения горной Осетии. — «Кавказский этнографический сборник», V, 1, Тбилиси, 1975.

(1966—1970 гг.), достаточно уже обнародованных⁴. Отсылая читателя к «хорошему описанию» башни Мамсуровых у В. А. Кузнецова, автору следовало бы привести предание о строительстве башни мастерами из семьи Мамсуровых, а не ингушами, как вслед за И. П. Щелбыкиным считает В. И. Марковин.

Сказанное несколько снижает уровень статьи В. И. Марковина, хотя она и полезна для изучения горского средневекового зодчества.

Значительный круг разнообразных источников использован в статье Н. А. Брегадзе «К вопросу об этническом составе населения Грузии в XVII веке». Автор попыталась локализовать и ориентировочно определить пути миграции и плотность собственно грузинского населения, а также армян, евреев, осетин, дагестанцев. Не оставлены без внимания и эпизодические упоминания в источниках о представителях других этносов (русские, итальянцы, греки, французы, поляки и пр.). Анализ ведется на фоне глубокого осмысления сложной и пагубной для Грузии исторической обстановки XVII века. К сожалению, вне внимания автора остался такой ценный, хотя и своеобразный источник, как народные предания, которые применительно, например, к вайнахским переселенцам в Тушетию (вплоть до Алванского поля) хорошо согласуются со скупыми строками исторических документов о том, что вайнахи входили в состав населения Грузии исследуемой поры⁵.

Серьезным научным успехом можно считать обстоятельную работу Н. Г. Волковой «Статейные списки русских посольств XVI—XVII вв. как этнографический источник». Автор с присущей ей скрупулезностью собрала воедино разрозненные и часто высказанные мимоходом путевые впечатления московских посольств в Грузию. Это первая сводка такого рода, и значение ее трудно переоценить. Н. Г. Волкова исследует маршруты посольств (прилагая оригинальную карту «Посольские пути на Кавказе в XVI—XVII вв.»), сведения об этническом составе отдельных областей Кавказа, численности и границах расселения местных племен, данные об уровне экономики, хозяйственных занятиях, политической ситуации, социальном строе, о характере поселений и жилищ, об одежде, пище, семейно-бытовой обрядности, идеологии и пр. Следует особо отметить, что анализ этого обширного материала проводится на высоком современном уровне исторического кавказоведения.

Сказанное, впрочем, не означает отсутствия некоторых упущений в работе. Естественный (при давлении исходных материалов) акцент на состоянии дел в Грузии, не может в достаточной мере оправдать наблюдаемое в ряде мест статьи излишне беглое рассмотрение посольских сведений о северокавказских народах (кабардинцах, вайнахах). Ряд отрезков посольских дорог намечен неверно. Например, путь всех посольств в Кахетию через Дарьял обозначен на карте (рис. 1) как проходящий вдоль всего левобережья реки Сунжи. Между тем, одна из стоянок посольства 1589 года «на реке Быстрой» (после стоянки «на Сунже в Ровной Луке» и до остановки «на реке на Терреке») подразумевает переход коротжа на правый берег Сунжи к реке Ассе, наименование которой «Быстрая» признает сама Н. Г. Волкова (с. 262). Далеко не бесспорно мнение о местонахождении владений «черкашенина Хавсы» (важного ориентира в определении маршрута посольства 1639 года) в «устье Охкарохи» (с. 258). Не вдаваясь в полемику, укажем, что в научной литературе аргументируется и иная локализация (связанная с Джераховским ущельем)⁶. Но эти (и подобные им) замечания носят частный характер и не меняют высокой оценки того, что выполнила Н. Г. Волкова.

Последней в сборнике помещена статья Г. В. Цулая, представляющая собой хорошо написанный очерк об этнографических интересах и трудах академика Н. Я. Марра. Автор прав, утверждая, что огромное и многогранное наследие Н. Я. Марра «незаслуженно редко» используется современными кавказоведами.

В заключение следует сказать, что статьи сборника великолепно иллюстрируют поистине знаменательные успехи многонациональной советской науки на пути всестороннего изучения пестрого в этническом смысле населения Кавказа с его самобытной историей и этнографией. Словом, новый выпуск «Кавказского этнографического сборника» — заметное явление в отечественной этнографической науке.

В. Б. Виноградов

⁴ См., например: Г. Г. Гегечкори. О некоторых особенностях горно-осетинского жилого комплекса. — Тезисы докладов Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых исследований 1970 г. Тбилиси, 1971, с. 96; А. И. Робакидзе. Рец. на книгу Л. А. Чибирова. — «Сов. этнография», 1972, № 4; А. И. Робакидзе, Г. Г. Гегечкори. Указ. раб., и др.

⁵ См.: Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в., М., 1974, с. 153 сл.; *её же*. Вайнахи в Закавказье. — «Археолого-этнографический сборник», IV, Грозный, 1976, с. 203 сл.

⁶ Т. Магомедова. По древним дорогам — в глубь веков. — «Утро гор», Грозный, 1971, № 4, с. 56; В. Б. Виноградов. Рецензия на книгу Волковой «Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века». — «Сов. этнография», 1975, № 3, с. 174; Т. С. Исаева. Феодалные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII веке. — «Вопросы истории Чечено-Ингушетии», XI, Грозный, 1977, с. 99—101.